

О Контрастах в поэзии и М. Цветаевой

Дедюхина Л. Н.

(Közlésre érkezett: 1977. január 31.)

Марина Цветаева — поэт с очень трудной судьбой и сложным характером. Об этом писали все люди, хорошо знавшие ее. "Марина Цветаева совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, пиетет перед гармонией и любовь к душевному косноязычию, предельную гордость и предельную простоту. Ее жизнь была клубком прозрения и ошибок."¹

"Цветаева была женщиной с деятельной мужскою душой, решительной, воинствующей, неукротимой."²

"Люди с ее темпераментом, духовной силой и напряженностью совершают подвиги и преступления, всходят на эшафот, сжигаются на кострах, фанатически верные даже не идее, а только протесту, бунту, экстазу."³ Можно привести слова и самой Цветаевой: "Под свист глупца и мещанина смех — Одна из всех — за всех — противу всех! — Стою" . . .

Всё это — и характер ее, и судьба, и жизненная, и поэтическая позиция — определили одну из основных особенностей стиля поэта: вся поэзия Цветаевой строится из контрастов⁴ и на контрастах, пронизана контрастами, которые присущи всем сторонам ее языка и творчества. Насколько эта черта органична для нее, говорит свидетельство самого поэта: ". . . может быть, отрожденная поэтава сопоставительная — противопоставительная — страсть — и склад, та же игра, в которую я в детстве так любила играть: черного и белого не покупайте, да и нет не говорите, только наоборот: только да — нет, черное — белое, я — все, Бог-Черт . . ."⁵ /разрядка наша — Л. Д./

Цель данной статьи — показать, что наличие контрастов в языке Цветаевой не случайность! "Меня можно вести только на контрастах . . .", — писала она/, это один из стилеобразующих приемов поэта.

Виды контрастов многообразны. Прежде всего они создаются средствами как знаменательных, так и служебных частей речи, выступающих в роли антонимов — языковых и контекстуальных. Чаще антонимичными отношениями связываются имена — существительные и прилагательные, реже — местоимения и числительные.

Большинство цветаевских антонимов в группе имен существительных не являются в языке противоположными по смыслу /примеры языковых антонимов, типа: жизнь-смерть, день-ночь, друг-враг —

немногочисленны/, а становятся ими только в тексте: погоня-бег, роцанни, "Князем — цыган! Цыганом — князь", голова — сердце, бессонница — сон, хоромы — хаты, господь — человек, "читатели — писатели газет", ад и алтарь, рай и позор, царь — вор, "Через ночь неволи — Белый свет свободы", "вершочек — с версту, вёрсты — с вершок", рабыня — госпожа, печаль — игра, счастье — конец, "Ты мне не рупь и не копейку, — Ты мне улыбку подарил", "Украшение для девицы, посрамление для мужчины", душа — камень, хвала — срам, убитые — сущие⁶ и т. д. Следует отметить, что наиболее простой вид контраста — попарное соединение противопоставленных слов: стихам о юности и смерти, охраняя колыбель и мавзолей, "И день и ночь, и письменно и устно: за правду "да" и "нет"; рот невинен и распущен и т. д. — характерен для ранних стихов поэта, в более поздних стихах структура контраста становится более сложной.

Среди имен прилагательных чаще всего противопоставляются слова с "цветовым значением" — черный — белый⁷ или синонимы к ним, а также белый — рдяный, красный, синий — красный и др.: "Ни белого света, ни черного хлеба", "Черного не перекрасить в белого — Неисправим", "Быть может, я и в черный день Очнусь белей тебя". Эти прилагательные могут входить в состав сложного слова: "Обеим бабкам я вышла внучка: Чернорабочий — и белоручка", "Не чернокнижница! В белой книге далей донских наострила взгляд!" "Зритель бел, занавес рдян", "Белым был — красным стал, Кровь обагрила."; прилагательное может быть антонимичным существительному в колоративном значении: "от внука-то негрского — Свет на Руси", Сей не по снегам смуглолицый Российским — снегов Измаил", "Белокровье мозга, морга синь — с оскалом негра, горло кажущим" /белый, синий — черный, красный/. В цветаевском контексте "цветовое" значение прилагательных в значительной степени ослаблено /если не утрачено полностью/ и осложнено или эмоциональным, или социальным, или политическим оттенком. Многочисленны примеры антонимирования прилагательных, имеющих не цветовое значение: продажный — даровой; "Маленьким не быть большими, Вольным — связанными", безмерный — маленький, родной — чужой, великий — малый, убогий — господский, "полотерско дело — господско дело" и т. д. По принципу контраста образуются и сложные прилагательные: надменно - нежный голос, в беззвучно - звенящей ночи, крово- серебряный, серебро - кровавый след.

Из местоимений в создании контрастов участвуют в основном личные и притяжательные местоимения: "Сцена — ты, занавес — я", "Была я — княжескою дочкой, А ты был уличным певцом.", "Нас родина не позовет!", "Наша совесть — не ваша совесть!...", "Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час, Наш грех, наш крест, наш спор, наш гнев", "дитя мое... Мое? Ее дитя", Есть рифмы — в мире том подобранные. Рухнет сей — разведешь"

Противопоставления из числительных единичны: "Людам сотый, А мне — первый!", "Единая? — Нет, тыща", "Триста лет неволи, двадцать лет свободы", „Может, сотни свеч, Может, три свечи."

По сравнению с группой имен глаголы довольно редко выступают в качестве антонимов, что объясняется отношением поэта к этой

части речи: "не даром я не люблю глаголов /страшная грубость!/, но чтобы обходиться без — нужны стихи или присутствие."⁸ "Всходили и гасли звезды", "Являют правую, скрывают левой", "Чтоб всяк хлебнул и отпил, И захлебнулся пустотой", "Губки алые — что розы: Нынче пышут, завтра вянут", "Я уже заболеваю летом, Еле выздоровев от зимы". Если М. Цветаева и противопоставляет глаголы, то чаще всего перед одним из них стоит отрицание, что стирает их противоположность и сближает значение слов таких антонимно-синонимных пар: "Воды не перетеплил В чану, зазнобил — как надобно, Тот поп, что меня крестил", "То никогда не начиналось, что кончилось", "Не монашествую я — веселюсь!", "Кто спит по ночам? Никто не спит!...", "Пью — не напьюсь", "Не рассорили — рассорили, расслоили", "Не расстроили — растеряли".

Цветаевские антонимы - наречия имеют не качественное, а преимущественно пространственное, реже — временное значение: "Я не понимаю времени, я понимаю только пространство": вправо — влево, назад — вперед, снизу — свысока, здесь — весь тот свет; вчера — сегодня; никогда и навеки.

В языке Цветаевой все слова значимы, полноценны, вот почему и служебные части речи используются в качестве антонимов: предлоги — "Всю лестницу божественную — от: Дыхание мое — до: не дыши!", "Гигант, отпустивши пииту, Помчал — по земле или над?", "Той — до всего, после всего"; междометия: "Ох — когда трудно, и ах — когда чудно, А не дается — эх!"

Наиболее характерными для языка поэзии Цветаевой являются антонимичные отношения между словами разных частей речи: "Жив, а не умер Демон во мне!", "Есть с огромными крылами, а бывают и без крыл", "Вновь зрячая — уж не любовница" /ср. с выражением "слепая любовь"/; др. примеры см. ниже. Приведенные примеры являются наиболее простой формой построения цветаевского контраста.

Как отмечают исследователи, семантический принцип цветаевского текста — "неравенство слова самому себе",⁹ которое приводит иногда к антонимии (контрасту) внутри слова (амбивалентность, эвантисемия): слово, благодаря особой интонации, получает в тексте прямо противоположное значение. "Уж и нрав у меня спокойный! Уж и очи мои ясны! "Поляризации значений может помогать и контекст: "В край — всем краям наоборот! — Куда назад идти — вперед Идти", "Дай! На языке двуостром: На! — Двуострота змеи!"; в стихотворении "Хвала богатым": "люблю богатых! За их корень, гнилой и шаткий, С колыбели растящий рану, За растерянную повадку Из кармана и вновь к карману"; „Будьте прокляты вы — за весь мой Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, — Пятью пальцами — да от всех пяти Чувств — на память о чувствах добрых — Через всё лицо вам автограф".

В выражении антонимичных отношений участвуют и синонимы: "Уж не глазами, а в вечности дырами Очи, котлом ведерным!"; "Не в пуху — в пере Лебедином — брак! Браки розные есть, разные есть!"; "Поэтов путь: жжя, а не согревая", "Уже и не светом: Каким-то свеченьем светясь", "Все спящей видели меня, Никто меня не видел сонной". Частица НЕ, как антонимирующее средство, между противопоставленными словами приводит к появлению контрастов.

Противопоставленными могут оказаться и омонимы (точнее, омофоны и омографы): "Чтоб не жил — кто стар, Чтоб не жил — кто юн!", "Поэт — издалека заводит речь. Поэта — далеко заводит речь", "Совсем ушел. Со всем — ушел", "Не рассóрили — рассорили".

В центре внимания М. Цветаевой оказывается не только слово, но и часть его, поэтому нередкими в ее стихах являются аффиксальные антонимы — однокорневые слова, противоположное значение в которых выражается аффиксами — приставками: "Последний — посмертный — бессмертный Подарок России — Петра", "Не проломанное ребро — переломанное крыло. /Не чинят крыл. Изуродованный ходил./"; "Пью — не напьюсь. Вход — и огромный выход"; суффиксами: "Вы столь забывчивы, сколь незабвенны", "Завоеватель? — Нет, завоеванье! Любовь ли это — или любованье, Пера причуда—иль первопричина", "Звали — равно, называли — разнo. Все называли, никто не назвал", "Вот и разлучены Неразлучные", "Той, что страсти хлебнув, лишь ила Нахлебалась", „В воду пропуск Вольный Розам — цвeсть! Бросил — брошусь! Вот тебе и мeсть!", "Наконец-то встретила Надобного — мне: У кого-то смертная Надоба — во мне", "Справлять неисправимую работу", "Бит — бьeшь", "Нас спастeшь? Да от вас спасeмся ж", "Да разве спасают спaсшихся".

Контраст является основой построения словосочетаний. Так, в атрибутивных словосочетаниях прилагательное выступает в роли антонимического эпитета, что довольно часто приводит к появлению оксюморона: зоркая ночь, ледяной костер, огневой фонтан, невнятицы дивной, холостяки семейные, юнцы маститыс, нежная горечь, ледяная кровь нежеланный гость, юная бабушка, неразрывные враги, рыночную новизною, прелестный трус. Если к такому словосочетанию присоединяется еще одно прилагательное, то отношения противопоставления могут устанавливаться как между прилагательными, так и у каждого из прилагательных с существительным: "Черная... зоркая ночь", "В братственной ненависти союзной", "Молодость моя! Моя чужая молодость", "Что нужно кусту от меня? Не речи ж! Не доли собачьей Моей человечьей", "Спи мой первенец светлый и страшный", "Как ветер качает сонный, бессонный Лес", "В голосах родных мне слышится Темный голос твой чужой". Контрастны и приложения: "Испепели меня, черное солнце — ночь", архангел-тяжелоступ; чужбина, родина моя.

Сталкивание слов неожиданных, не встречавшихся друг с другом раньше, характерно и для объектных словосочетаний, (часто осложнённых атрибутивными отношениями), многие из них также являются оксюморонами: радость тоски, жажда смерти на костре, пустыня славы, звон и шорох стали и глуб, серафима сила, мускул крыла, закон звезды и формула цветка, нежность гнева, каменная безнадежность проказ, фальшью истины и правдой лжи, смрад чистоты. Стремление к точности, выразительности приводит и к появлению своеобразных "перевернутых" словосочетаний: "Не сущность вещей — Вещественность сути", "Не сущность вещей: Существенность вещей"; "С тобой нелепейшая роскошь, Роскошная нелепость — страсть"; "И слеза ребенка по герою, И слеза героя по ребенку", "Ибо надо ведь хоть кому-нибудь Дома в счастье, и счастья в дом! Счастья — в доме!"

Интересны трехчленные сочетания: "сплав вдохновений и сухожилий; светила и присподни дитя; моим стихам о юности и смерти. Отношения между словами во многих примерах значительно сложнее простого противопоставления: в столкновении антонимичных слов поэта привлекает не столько различие, сколько родство, близость, сходство: "Гордость и робость — родные сестры, Над колыбелью, дружные, встали" /разрядка наша — Л. Д./, "Доблесть и девственность! Сей союз Древен и дивен, как смерть и слава". Нейтрализация противопоставления чаще происходит в рамках не словосочетания, а предложения: "Не отстать тебе. Я — острожник. Ты — конвойный. Судьба одна", "Два на миру у меня врага, Два близнеца — неразрывно — слитых: Голод голодных — и сытость сытых!", "Мы смежны, блаженно и тепло, Как правое и левое крыло". Но это та самая "близость", которая в любую минуту может стать "пропастью": "Но вихрь встает — и бездна пролегла От правого — до левого крыла".

Наиболее разнообразны контрасты в предложении. Это и противопоставление подлежащего и сказуемого: "Два солнца стынут", "И да будет вам ночь — светла!", "Это ночь зажгла этот светлейший лик", "тихонько пели колокола", "Вам все вершины были малы И мягок самый черствый хлеб", "Порознь! — на языке двузначном Поздно и порознь — вот наш брак!; определения при подлежащем и сказуемого: "Голову сжав, Слушать, как тяжкий шаг Где-то легчает", "И мягок самый черствый хлеб". Это и противопоставление разных членов предложения: "Шли от него лучи — Жаркие струны по снегу. Три восковых свечи — Солнцу-то! Светоносному!", "Стою и шлю, Закаменев от взлету, Сей громкий зов в небесные пустоты", "Знай, что от сердца голова есть, И есть топор — от головы", "На льдине, в Гвиане, в Геене — любимый; В коросте — желанный, С погоста — желанный", "Рыцарь ангелоподобный — Долг! Небесный часовой! Белый памятник надгробный На моей груди живой", "Так связываясь с новым горем, Смеюсь, как юнга на канате". Это и определения при однородных членах: "Белое солнце и низкие, низкие тучи"; и сравнения — контрасты: "Все страсти водою комнатной Мне кажутся", "Мне слёзы — водою сахарной", "И полководец гривастый льнет Белой голубкой", "Юношей воскрес старик" "Оглоблей гребет — крылом Архангела ломового".

Сближение контрастных по значению слов довольно часто приводит к появлению оксюморонов /см. примеры выше/, особенностью которых обычно называется: 1/ сочетание противоположных по смыслу слов, 2/ создающих новое понятие: "голова до прелести пуста", "книгохранилища пустот", "Я тебя схоронила в небе", "в самом небе я погребена", "плечи сутулые гнулись от крыл", "заломив от счастья руки", "Благословляю вас на все четыре стороны". Как можно заметить, цветавские оксюмороны могут представлять собой не только словосочетание, но и предложение: "Пуще опалы — царская милость", о богах: "Звериной челюсти Страшный их зов", "Удар, доходящий — как женское пенье", "призвание — как плеть", "петь меж стенаний надгробных", "И голубиной — не черни Галчонка — белизной", о поэте —, "Он тот, кто спрашивает с парты, кто Канта наголову бьет", "Так в ночи моей прекрасной ходит по сердцу пила", "Я полюбила: Мутную

полночь, Льстивую флейту, Праздные мысли", "Как нас любил за вероломства Грех", "Как я люблю... лживые, в душу идущие речи Очаровательных губ" Иногда весь текст представляет собой стихотворение-оксюморон: "Мой день беспутен и нелеп: У нищего прошу на хлеб, Богатому даю на бедность, В иголку продаваю луч, Грабителю вручаю ключ, Белилами румяню бледность".

Связанные антонимичными отношениями слова могут оказаться в разных предложениях: "Полон стакан. Пуст стакан". "В вечную ночь пропадет — погонюсь по следам. Солнце моё! Я тебя никому не отдам"; в предложениях — пар целлятах: "Не доверяй перинам. С сугробами в родстве"; в главной и придаточной частях сложноподчиненного предложения: "Два солнца стынут... И то остынет первым, что горячей", "Как бы дым твоих ни горек Труб, глотать его — всё нега"; в бессоюзном предложении: "В небе-то ясно, Темно — на дне" и др.

Приводя эти примеры, нельзя не отметить безграничности, "безмерности в мире мер" как одного из основных качеств поэзии М. Цветаевой: "Пространство, пространство, Ты нынче — глухая стена", "Мир — это стены", "Любивший дольше времени", "Миг, длительный по крайней мере — Как час". "Я счастлива жить образцово и просто: Как солнце..." — в последнем примере прием гиперболизации роднит Цветаеву с Маяковским, который тоже довольно часто пользовался таким смещенным употреблением антонимов "по отношению к привычным языковым стандартам"¹⁰: ср. "о, если б был я тусклый, как солнце".

Иногда поэту мало двучленного противопоставления: "Нет, которое из двух: Кость слишком — кость, дух слишком — дух. Где ты?.. Там — слишком там, здесь — слишком здесь... Бог — слишком бог, червь — слишком червь", — "Ты мне чужой и не чужой, Родной и не родной, — Мой и не мой!" — и тогда появляются трехчленные:

Емче ограна и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох — когда трудно, и ах — когда чудно,
А не дается — эх!

Или:

Да не поклонимся словам!
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР...

Поскольку объектом наблюдения служит не просто художественная речь, а речь к тому же и стихотворная, постольку заслуживает внимания и вопрос о расположении контрастов в стихе (строке), строфе и стихотворении. Интересные примеры контрастных построений даст организация стиха. Чаще всего слова с противоположным значением располагаются в начале и конце стихотворной строки: "Даль, отдалившая мне близь", "Удар, доходящий — как женское пенье", "Жаркие струны по снегу", "От подвала — до Крыш", "Тонок в поясе, а сердцем — толст", "Милость свою и гнев", "Чужбина, родина моя". Контрастные слова могут стоять рядом: "И глубоко равноду-

шен и враг, и друг", "Мой зноб и зной", "И на морозе Флоренцией пахнет вдруг", иногда такой контраст заполняет всю строку: "Сладко ль, солоно ли", "Пересмеялся — хнычь", "Перемонаршил — бунт", "Перегордился — в грязь". Наконец, контрасты могут стоять через слово: "Бунт архангела, бунт скота", "Воздух душен, вода свежа", "Нежность женщины, дерзость мальчика", "Я, богатая, была бедна", "Черным по белому день твой черный", "Расцветает сад, отцветает сад. Ветер встреч подул, ветер мчит разлук".

Одно и то же слово может быть связано антонимичными отношениями с другими словами как по горизонтали /в стихе/, так и по вертикали /скрепляя два стиха/:

Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей...

/огнь — ледниковой; огнь — синь/.

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

В последнем примере противопоставление слов: 'черная — свет', 'свет — ночь' — усложняется антонимическим эпитетом 'зоркая'.

Ты — Господь и Господин, — а — я —
Чернозем — и белая бумага.

Антитеза строится на антонимичных отношениях между словами: ты — я; Господь и Господин — чернозем и белая бумага; чернозем — белая бумага.

Сложными переплетениями контрастов отличаются цветаевские строфы. Контрасты могут располагаться по вертикали — а/ в начале двух смежных строк:

Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая, сладкая ваша улыбка.

б/ в конце:

Над тобой, "пустяк",
Знаем — как потелось!

Говорят — тягою к пропасти
Измеряют уровень гор.

То, что вчера — по пояс,
Вдруг — до звезд.

в/ симметрично в начале и конце:

Начинать наугад — с конца,
И кончать — еще до начала.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце — слишком полно!

Юность — любить,
Старость — погреться.

За Иоанном — в рай, за доном
Жуаном — в ад.

И голубиной — не черни
Галчонка — белизной.

Могут “укладываться” рядом: что приводит к противопоставлению правой и левой половины стиха и строфы:

/Благословляю/
Господню милость — и господен суд,
Благой закон — и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр...
И пыльный посох свой, где все лучи!

Оперный плащ певца? — Вдовый смиренный плат?
Резвой интриги щит? — Или заклад последний?

перекрестно:

Хвала убитым,
Сущим — срам... /хвала — срам; убитым —
сущим/;

на стыке /то есть в конце предыдущей и начале последующей строк/
Следует отметить, что подобное “рассечение” контраста является как бы следствием другой особенности цветаевского стиля — стремления выделять наиболее важные, значимые, нужные поэту слова, вынося их в начало стиха, что приводит и к ломке синтаксиса, и к частым enjambement.

В городе Гаммельне дешево жить
И помирать спокойно.

Творческая мазня
Гения.

В день, когда сбросит дух
Тело: чехол последний.

Зорче всего — без глаз
Видящий.

/Контраст “на стыке” дополнен еще одним — в рамках стиха/.

Сквозь смех — Только убит —
Смерть. Воскрес.

по цепочке — из стиха в стих собираются целые гнезда контрастных слов:

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

/светлеют — тень, тень — золоче, золоче — ночь, ночь зажгла, ночь — светлейший лик, светлейший лик — темной ночи, светлеют, светлейший — темнеет/.

Как я люблю...
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

/люблю — лживые речи, лживые — в душу идущие речи, лживые речи — очаровательных губ/.

... не уловили
Грозную стрелу
Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.
Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце — ночь!

/здесь контраст по вертикали и по цепочке: черная — свет, свет — ночь, ночь — испепели, а также по горизонтали: свет — ночь, испепели — черное, черное — солнце, солнце — ночь/.

Контраст может пронизывать всю строфу:

Другие — с очами и личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем — итальяйским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

/В этой строфе противопоставление строк: первой и второй; двух следующих — двум последним — усилено контрастом слов: я — другие; итальяйский младой Зефир — хороший, широкий, российский сквозняк. Подчеркнут контраст и стилистически; очи, личико светлое, младой Зефир — слова поэтические — противопоставлены словам нейтральным, но "сильным", выразительным, — и звукописью: преобладанием сонорных в одной группе и взрывных и щелевых — в другой/.

Контраст может выстраиваться в кольцо: антонимичные слова начинают и кончают двустишие:

Белого поля поперек
— Пропала! — волос черный.

строфу:

Злость сытости! Сплев
С на-крытых столов!
Но — в том-то и гвоздь! —
Есть — голода злость.

стихотворение:

Я — есмь. Ты будешь. Между нами — бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться — тщетно.

/первые две строки стихотворения/

Я есмь. Ты — будешь. Через десять весен
Ты скажешь: — есмь! а я скажу — когда-то...

Можно привести примеры строф, в которых слова антонимы находятся не в смежных строках, а через строку:

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

Приказ: ледяные туманы
Покинув, — за пядию пядь
Обследовать жаркие станы
И виршами нам описать.

- Контрастными оказываются первая и последняя строки в строфе:

Быть в аду нам, сестры пылкие,
Пить нам адскую смолу, —
Нам, что каждою-то жилкою
Пели господу хвалу!

В поте — пишущий, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огонь, над кудрями пляшущий, —
Дуновение — вдохновения!

п о с л е д н я я строка предыдущей строфы:

Прелестный предвечерний час.

и п е р в а я — следующей:

Захлебываясь от тоски,
Иду одна...

Многие стихотворения дают примеры противопоставления с т р о ф:

Радость — что сахар, Нету — и охаешь, А завелся как ? — Через часочек: Сладко, да тошно!	На смех и на зло Здравому смыслу, Ясному солнцу, Белому снегу
Горе ты горе, — соленое море! . . .	Я полюбила: Мутную полночь, Льстивую флейту, Праздные мысли.

Нередки у М. Цветаевой и с т и х о т в о р е н и я — контрасты. Они могут строиться как антитеза — на противопоставлении нескольких пар антонимов:

Полюбил богатый — бедную,
Полюбил ученый — глупую,
Полюбил румяный — бледную,
Полюбил хороший — вредную:
Золотой — полушку медную . . .

Дополненная другими словами с соотносительно противоположным значением, антитеза становится развернутой, сложной:

Стыд и скромность, сигарера,
Украшение для девицы
Украшение для девицы
Посрамление для мужчины.

Губки алые — что розы:
Нынче пышут, завтра вянут.
Жалко их на привиденье,
И живой души на камень.

Аналогичными являются стихотворения „Попытка ревности“, „Легкомыслие — милый грех“, „Мои день беспутен и нелеп“, „Вчера еще в глаза глядел“, „Ваш нежный рот — сплошное целованье“, „Ладонь“ и др.

Иногда контраст в рамках всего стихотворения создается за счет противопоставления всего текста — о д н о й или д в у м последним строкам. Эта особенность тоже не случайна: по мнению поэта, стихотворения часто пишутся ради последней строки, „которая приходит первой“¹¹ и которая у Цветаевой часто оказывается контрастной всему остальному тексту:

Кто дома не строил —
Земли недостоин.
Кто дома не строил —
Не будет землею . . .
Соломой — золою . . .
Не строила дома.

См. также стихотворение „Тоска по родине! Давно” . . . , „Разговор Гамлета с совестью”, „Попытка ревности” и др.

Если понимать под термином ‘контраст’ не только антонимы, анти-тезы, эвантисемию, а любое противопоставление, тогда следует указать и на „скрытые” контрасты цветаевского языка, обнаруживающиеся при анализе текста: это и ритмические контрасты¹², и звуковые противопоставления, на которых стоит несколько остановиться, поскольку сама М. Цветаева придавала огромное значение инструментровке стиха /„Пишу исключительно по слуху”/. Среди приемов звуковой организации стиха можно выделить звуковые противопоставления, роль которых чрезвычайно разнообразна: и выделение наиболее значимых слов:

— Мой! — и о каких наградах
Рай — когда в руках, у рта —
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

/грд-р-рк-рт — ЖЗН -рпт -рдт -пдр — тр; о-а-а-а-И-а-а-о-а/; и усиление выразительности стиха:

И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
/нзв -нм -вск -звн/ ш’ кш’ -крк/
И шла, прислушиваясь, как
Скрежещет гравий.

Скрип проезжающей, арбы
Без паруса. — Сквозь плющ зеленый
Блеснули белые столбы
Балкона.

/шл -лш /скржш’ — гр/ скр-прж’ш’-рб/ бпр-сквс’ — плш’ -злн — блсл-
бл -стлб -блкн/;
и создание „звуковых характеристик”: см. стихотворение „Психея”:

Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин,
Пунш — и пенковая трубка
Пышущая. Пунш . . .

. . . и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И — как призрак —
В полукруге арки — птицей —
Бабочкой ночной — Психея! . . .

И на цыпочках — как пери! —
Пируэтом — привиденьем —
Выпорхнула . . .
Вновь впорхнула . . .

Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа . . .

Подбор слов определенного, близкого звучания для характеристики Пушкина/пунш -полночь-пенковая трубка пышущая -пылкий поцелуй арапа — это и тишина, покой — необходимые для работы, и огонь, страсть: пунш (горячий); трубка пышущая, пылкий поцелуй, прожег /; фонетическое отталкивание от слов другой звуковой гаммы, подчеркивающее различие в характеристиках/легкость: птица, пери, бабочка, выпорхнула, впорхнула; призрачность: привиденье, призрак/; переключка-противопоставление этих двух рядов аллитераций до конца стихотворения — всё это говорит о большом мастерстве М. Цветаевой.

Инструментовка со-противопоставленных слов дает возможность лучше понять смысл стихотворения:

Любовь
Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

В попытке определения, что же такое любовь, поэт сталкивает три слова: ятаган, огонь -боль, которые объединяются одним общим значением 'боль', что подчеркивается и близостью звуков / гн-гн — бл: один — взрывной, другой — смычно-проходной. И всё-таки более существенным оказывается противопоставление: ятаган /экзотично!/, огонь /ярко! — это боль мгновeнная, а не длительная, постоянная, „знакомая”. Это различие усилено средствами звукописи.

Довольно часто контраст в цветаевских текстах возникает в результате противопоставления значения слов и эмоциональной насыщенности текста:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!

Или:

Мне все — равны, вне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.

Обилие пауз и ударений, восклицательная интонация — признаки речи взволнованной — противоречат смыслу высказываемого.

Контрасты охватывают не только языковую сторону произведений М. Цветаевой, они присущи всему ее творчеству. „Я — много поэтов, а как это во мне спелось — это уже моя тайна.”³¹ Отсюда — разный тип лирической героини¹⁴: одна — романтически настроенная поклонница Дон Жуана и кавалера де Грие; другая / полная ей противоположность / — „кабацкая царица”, третья / снова контраст! / героиня — благочестивая, умиленная стариной и т. д.

На контрастах строятся и поэтические образы:

Пушкин —

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен —
Пушкин — в роли монумента?
Гостя каменного? — он,

Маяковский —

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?
„архангел-тяжелоступ“
Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право...

Ахматова —

Вас передать одной
Ломаной черной линией.
Холод — в весельи, зной —
В Вашем унынии...

Аналогично стихотворение „Чародей“ и др.

Создавая портретную характеристику, поэт чаще всего отмечает контрастные признаки:

Твои руки черны от загару,
Твои ногти светлее стекла.

Какие большие кольца
На маленьких черных пальцах!
Какие большие пряжки
На крохотных башмачках!

Иногда ощущение контраста появляется потому, что „взрослые“ черты замечаются в ребенке.

Четвертый год.
Глаза — как лед.
Брови — уже роковые.

В твои без месяца два года —
Ты так грустна.

В некоторых стихотворениях поэт противопоставляет свое отношение к образу / Гамлет, Офелия, Дон Жуан / традиционному, общепринятому. Стихотворение „Разговор Гамлета с совестью“ начинается с „я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут“, а заканчивается: „Но я ее любил??“ В стихотворениях „Офелия — Гамлету“ и „Офелия в защиту королевы“ — нежная, любящая Офелия „читает отповедь“ Гамлету:

Наглостью и пустотой — не тронете!...

Или:

Принц Гамлет! Довольно царицины недра
Порочить . . . Не девственным — суд
Над страстью.

Своеобразным, очень „цветаевским“ / и вновь противоречащим общепринятому / является подход к некоторым темам. Так, в 1914 году, во время войны с Германией, Цветаева пишет:

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам.
Так как же я тебя оставлю,
Так как же я тебя предам.

Германия — мое безумье!
Германия — мой любовь!

/ср. отношение поэта к этой же стране в 1939 г.: „Германия! Безумие, безумие творишь!“/.

Антитеза образов, /конфликты лирического героя с окружающим миром, обществом, людьми, даже близкими / „Не суждено, чтобы сильная с сильным“/, пейзаж, портрет, композиция, язык, основанные на противопоставлениях, отталкиваниях, противодействии — вот далеко не полный список „цветаевских контрастов“, исследовать которые еще предстоит.

СНОСКИ

1/ И. Эренбург. Поэзия Марины Цветаевой. — „Литературная Москва“, Сб. 2, М., 1956, стр. 711.

2/ Б. Пастернак. Люди и положения. — „Новый мир“, 1967, № 1., стр. 233.

3/ В. Лурье. Рец. на книгу „Ремесло“ — „Новая русская книга“, №№ 2—6, Берлин, стр. 14—15.

4/ „Контраст — фигура речи, состоящая в антонимировании лексико-фразеологических, фонетических и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником действительности“. — О. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 206. Контраст включает в себя и понятия 'антонимы', 'антитеза' и, кроме того, любое противопоставление /языковых единиц прежде всего/ без наличия между ними общего значения.

5/ М. Цветаева. Черт. — „Современные записки“, т. I IX, Париж, 1935, стр. 208.

6/ Материалом для исследования послужили стихотворения, помещенные в сб. „Избранные произведения“, М.—Л., 1965 и Марина Цветаева. „Стихи. Театр. Проза“, Париж, 1976.

7/ См. Т. В. Цивьян. Материалы к поэтике Анны Ахматовой. — Труды по знаковым системам, III, Ученые записки Тартуского университета, № 198, Тарту, 1967 — об использовании этих прилагательных Анной Ахматовой и некоторыми другими поэтами.

8/ М. Цветаева. Письма к А. Штейгеру. — „Опыты“, кн. 7, 1956, стр. 18.

9/ См. в связи с этим: Ю. Лотман. Анализ поэтического текста. „Просвещение“, Л., 1972, стр. 235—247, а также „Структура художественного текста“, „Искусство“, М., 1970, стр. 210—219, где дан тонкий анализ стихотворений Цветаевой.

- 10/ Л. А. Новиков. Антонимия в русском языке. МГУ, 1973, стр. 256.
- 11/ М. Цветаева. Нездешний вечер. — Проза. Изд. им. Чехова. Нью-Йорк, 1953. М. Цветаева воспроизводит свой разговор с поэтом Кузьминым:
— А я с 15 лет читала ваше “Зарыта шпагой — не лопатой — Манон Леско”.
... И какой в этом воспитательный, всего старого мира — вызов, всего того века формула ... Ведь всё ради этой строки написано?
— Как всякие стихи — ради последней строки.
— Которая приходит первой.
— О, вы и это знаете.
- 12/ А. Н. Колмогоров. Пример изучения метра и его ритмических вариантов. — Теория стиха. “Наука”, Л., 1968, стр. 145—167.
- 13/ Цит. по статье Вл. Орлова. Марина Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия. — Избранные произведения. М.—Л., 1965, стр. 32.
- 14/ И. Михайлов. Опыты Марины Цветаевой. — “Звезда”, 1967, № 7, стр. 203—211.

KONTRASZTOK M. CVETAJEVA KÖLTÉSZETÉBEN

L. N. GYEGYUHINA

A dolgozat M. Cvetajeva költészetének egyik alapvető stílusjegyét, az ellentétek használatát elemzi. A kontrasztok alkalmazása jellemző a költő nyelvi eszközeinek minden rétegére és költészetére általában: *fonetikai szempontból* (a különböző artikulációjú és hangzású szavak összeütköztetése a legjelentősebb szavak kiemelésének egyik eszköze); *szemantikailag* (a szövegösszefüggésben a szó néha teljesen ellentétes értelmet nyer); *lexikailag* (antonimaként használ minden beszédrészt, még segédszavakat is); *mondattanilag* (az ellentétpárok megfigyelhetők a szóösszetételek, az egyszerű és összetett mondatok keretében is).

Elemzi a dolgozat azt is, hogyan nyer alkalmazást az ellentét a vers egészében, a stófán és a verssoron belül.

Érinti a dolgozat Cvetajeva képalkotásának alapvető módszerét, néhány téma megoldásának tükrében.